

Александр Михайлович Бойников родился в 1960 году в поселке Тетьково Калининской (Тверской) области. Окончил Калининский государственный университет. Кандидат филологических наук. Доцент Тверского государственного университета. Автор многих литературно-критических, краеведческих, научно-исследовательских книг и работ. Публиковался в региональных изданиях. Лауреат литературной премии им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Член Союзов писателей и журналистов России. Живет в Твери.

Александр Бойников

«Я СЧАСТЛИВ К ВАМ ПО-РУССКИ ОБРАТИТЬСЯ...»

(Мировая поэзия
в переводах Юрия Ключникова)

“Нам внятно все — и острый галльский смысл, / И сумрачный германский гений...» — эти блоковские строки сразу приходят на память, как только откроешь книгу «Песни тысячелетий»¹. А по ее прочтении к ним хочется добавить: и мудрость древнего Востока и Египта, и величавый пафос античности, и влекущая загадочность Византии, и заново переосмысленная европейская поэтическая классика старого и нового времени теперь тоже вняты нам.

Название «Песни тысячелетий» — вовсе не преувеличение. Новая уникальная антология сразу впечатляет грандиозностью содержания: она охватывает 43 века мировой поэзии, знакомит современного читателя с вершинными достижениями тринадцати поэтических культур в виде переводов и переложений более 400 стихотворений и поэм. Гораций и Овидий, Данте и Петрарка, Вийон и Верлен, Беранже и Гюго, Шекспир и Бэкон, Гете и Рильке, Гейне и Ницше, Марти и Лорка, а всего — 80 лучших художников рифмованного слова.

¹ Песни тысячелетий: 43 века мировой поэзии в переводах и переложениях Юрия Ключникова / Сост. Ю.М. Ключников, С.Ю. Ключников. — М.: Беловодье, 2022. — 560 с.

Взял на себя этот титанический труд Юрий Михайлович Ключников — известный русский поэт, переводчик, эссеист, философ, автор 27 книг стихов, прозы и публицистики, член Союза писателей России, чей путь служения русской литературе насчитывает 80 лет. Да-да, именно столько, ошибки тут нет: его первое стихотворение появилось в газете «Молодость Кузбасса», когда автору было всего 12 лет, а сейчас ему уже 92 года. Помимо почти 2000 собственных стихотворений, высоко оцененных Вадимом Кожинным, Львом Аннинским, Владимиром Бондаренко, Станиславом Золотцевым, Валентином Курбатовым и другими выдающимися критиками, перу Юрия Ключникова принадлежат переводы 2245 стихотворений 160 лучших поэтов мира с 21 языка.

Кто говорит, что неперевода
Седая древность, — сеет ложь и зло.
Поэзия всегда непобедима,
И Слово наше победит Число.

Книга «Песни тысячелетий» в содержательном плане не только фундаментальна, но и энциклопедична; ее вполне можно считать и отличным образовательным проектом. Все десять разделов предваряются историко-литературными справками — познавательными, насыщенными интересными фактами, к тому же написанными сочным и доступным слогом. Так, в открывающем книгу разделе «Поэзия Древнего Востока» мы найдем необходимые сведения о шумерской цивилизации и литературе, о шумерских писцах, а также доступный анализ «Эпоса о Гильгамеше»; узнаем о первопоэте мира, шумерской царице и жрице Энхедуанне (XXIII в. до н.э.); затем — о поэзии Вавилона, Древнего Египта и Древнего Ирана в целом и более детально познакомимся с биографиями Эхнатона и Гермеса Трисмегиста. Культурологическая основательность сохраняется на протяжении всей антологии, расширяя читательский кругозор.

Грамотейная мудрость велит образцово
Почитать и ее, и Наследство Отцово.
К сокровенному взор устреми, свет узришь
И поймешь связь всего, мастерство сотворишь.
С этой мудростью в службе дойдешь до дворца.
Так трудись же с усердьем и в поте лица.

Из шумерской поэзии

Вновь братья за переводы образцов мировой лирики, имея на этом поприще немало выдающихся предшественников (среди них Вильгельм Левик, Борис Пастернак, Самуил Маршак, Михаил Лозинский, ряд можно продолжить; а также огромная когорта поэтов-переводчиков XVIII–XX вв. — от Михаила Ломоносова до Иосифа Бродского), — громадная ответственность и большой риск. И — бесспорно — новое творческое состязание, решиться на участие в котором может только человек талантливый, безгранично влюбленный в поэзию, обладающий незаурядным воображением, смелостью, способностью своеобразного мысленного перевоплощения. И по-хорошему азартный, увлеченный желанием не превзойти соперников по цеху, а, претворяя иноязычный текст в родную речь, сохранить и передать особенности и богатство иного национального образа мира, тонко нюансировать чувства и впечатления автора как носителя иной культуры и воплотителя духа эпохи. И главное — сделать его творения эстетически совершенными, в конечном счете — понятными современнику. Юрий Ключников решительно вышел на переводческое ристалище и блестяще осуществил задуманное: доказательством служит любой из его переводов.

Я знаю ласки страстные любви
И как нас за нос водят потаскухи.
Как сердце обливается в крови,
Когда его терзают злые духи.
Я знаю стыд певца в смоле и в пухе
И счастье жить, на свете все любя.
Я знаю наслаждения и муки.
Я знаю все, но только не себя.

Франсуа Вийон

Для него также крайне ценна планетарная гуманистическая миссия переводчика: «Так уж случается, что мировые поэтические струны гениев созвучны и до сих пор рождают мелодию. Они пробиваются сквозь толщу стихов и академических переводов, точных в смысле буквы, но нередко утрачивающих дух. Каждый народ имеет таких поэтов, и было бы очень жаль, если бы мы не услышали их послание нам. А они шепчут и кричат: этот мир, созданный не вами, но для вас, — прекрасен, но он может погибнуть при вашем участии и попустительстве. Потому не отменяйте культуру и поэзию и оставайтесь людьми. Мне очень хотелось донести их послание до всех нас и заодно поговорить с каждым из них».

На фоне истерического горлобесия нынешних «цивилизованных» варваров, желающих осуществить неосуществимое — «отменить» русскую культуру, этот призыв ко всем здравомыслящим людям Земли звучит как нельзя злободневно и вовремя.

Однако не менее важна и ответственность переводчика, которая заключается в умении определить тонкий рубеж между «своим» и «чужим», найти гармоничное соотношение между дословностью и адекватностью передачи смысла понятийными и образными категориями своего языка, помня о необходимости сберечь индивидуальный авторский голос. Один пример:

Горные вершины
В звездном небе спят.
Молчаливы. Живы.
Не тревожат взгляд.
Пыль не спорит с ветром,
Ночь так хороша!
В ожиданье светлом
Отдохни, душа.

Ценители поэзии, конечно же, узнали новый перевод гетевского шедевра «Wanderers Nachtlied» («Über allen Gipfeln ist Ruh...»). Дословно он существенно отличается и от оригинала, и от Лермонтовского стихотворения. Больше того, Юрий Ключников предлагает три не ставших основными варианта заключительного катрена. Приведу один из них:

Пыль не спорит с ветром,
Не шумит листва.
В ожиданье светлом
Отдохнут слова.

А вот прозаический перевод с немецкого на русский:

Над всеми вершинами
Тишина (покой)
Во всех макушках (вершинах деревьев)
Не ощущаешь (едва ощущаешь) никакого дуновения.
Птички молчат в лесу.
Подожди только, скоро
Отдохнешь (успокоишься) ты тоже.

Налицо различие или несовпадение внешних материальных деталей в первоисточнике и обоих переводах, кроме горных вершин. Правда, существуют и другие вариации: «Над высью горной» (И. Анненский), «Горы» (Б. Пастернак). Здесь уместно вспомнить формулу В. Шкловского «художественное произведение — отношение материалов», которая, на наш взгляд, характеризует анатомию переводческой работы самым непосредственным образом. Там эти «материалы» всегда полярны: вечное и исторически преходящее; буквализм авторского текста и творческая свобода переводчика; предмет изображения как артефакт и индивидуальное представление о нем. Как добиться того, чтобы читатель, не владеющий иностранным языком и потому не имеющий возможности реально оценить эквивалентность перевода, восхищался им, нашел в разделенных толщей времен стихотворениях созвучие своим мыслям, надеждам, переживаниям и даже печалям и разочарованиям? Как преодолеть сопротивление «материалов» — первоисточника и его зеркального отражения в новой (= иной) поэтической традиции и культуре? Еще В. Белинский резко выделял эту сложность: «В переводе из Гете мы хотим видеть Гете, а не его переводчика; если б сам Пушкин взялся переводить Гете, мы и от него потребовали бы, чтоб он показал нам Гете, а не себя». Следом спешит с категоричным высказыванием и Н. Гоголь: «Переводчик должен быть как стекло, такое прозрачное, что его не видно».

Слишком придирчивы великие. В конкретном языке для описания одних и тех же явлений, состояний, процессов, для создания экспрессии и образности используется непривычная предметная, понятийная и эстетическая основа — радуга архетипов, фразеологизмов и лакун. Торжествуют переносные значения слов. Без учета их специфичности строго буквальный перевод чаще всего породит абсурд, нелепость, бессмыслицу, в крайнем случае — блеклый и невыразительный текст. Задача переводчика — найти смысловое, эмоциональное и стилистическое соответствие в наших языковых богатствах, вновь и вновь подтверждая максиму Гете: «*Wer fremde Sprachen nicht kennt, weiß nichts von seiner eigenen*» (Кто не знает иностранных языков, ничего не знает о своем).

Вернемся к «Горным вершинам» Юрия Ключникова. Он совершенно иначе воспринял и прочувствовал подтекст, иначе говоря, атмосферную междустрочность стихотворения Гете; по-своему концептуализировал живую, но глубоко дремлющую статичность запечатленного поэтом фрагмента картины мироздания и потому в финале сделал акцент не на физическом отдыхе уставшего лирического героя-странника, а на его душевной умиротворенности, оставив в стороне излишнее словесное восхищение природной идиллией (очевидно, это летние живописные пейзажи Баварских Альп).

Как владеющего немецким, меня лично восхитили и остальные его переводы поэтов Германии, в частности, хрестоматийных стихотворений «Лесной царь» Гете, «Перчатка» Шиллера, «Лорелея» и «Сосна» Гейне, лирических откровений Рильке.

Дух и буква... Каждый переводчик справляется с проблемой их соотношения самостоятельно. Постичь логику его интеллектуальных и изобразительных решений очень непросто. Читателям же «Песен тысячелетий» крупно повезло: дверь в творческую лабораторию переводчика любезно распахнул его сын и издатель Сергей Ключников в большом послесловии, которое органично дополнило антологию. В нем, по сути, изложен профессиональный переводческий кодекс Юрия Ключникова, выработанный за многие десятилетия. Попробуем суммировать его основные положения:

— глубоко личный подход к объектам перевода: «Здесь (в антологии. —

А.Б.) выбор был другим — перевести все, что звучно автору переводов и переложений», следуя «свободному велению своего поэтического сердца, которое жаждало общения с собратьями, как бы далеко во времени и пространстве они ни жили от нас»;

— учет мнений и рекомендаций научных редакторов и коллег;

— прочтение «самых разных переводов поэзии каждого автора на русский язык», прослушивание этих стихов «в аудиоформате, чтобы понять их аутентичную интонацию и звучание и максимально приблизиться к сути, выраженной в оригинале»;

— принадлежность не к «точной», а к «вольной» школе поэтического перевода, о которой Вильгельм Левик сказал: «Самое главное, чтобы получались красивые русские стихи»;

— поскольку в Юрии Ключникове «поэт почти всегда побеждает... переводчика», то «его переводы — это прежде всего стихи-отклики»;

— «по гамбургскому счету дух важнее буквы»; поэтому «выбирая между точностью и красотой, [он] почти всегда выбирает красоту, веря, что высшую точность можно скорее найти на путях красоты, нежели буквального совпадения»;

— стремление «перевести главный смысл и сохранить язык и образы чужого стиха», используя иные способы достижения поставленной цели;

— видеть в переводе «задачу литературную, по высоте понимания не оставляющую места увлечениям языковедческим...»;

— основанием для выбора поэтов, конкретных произведений и поэтических культур был «не только фактор симпатии к языку и той или иной стране, но и более глубокие идейные соображения».

Понятие «идейные» никоим образом не сводится к голой идеологии. Понимается то, что еще Платон определял как суть вещей и явлений, в которой заключена их уникальность; в данном случае речь идет об исторических корнях и самобытности мировоплощения, свойственной избранной культуре, ее поступательной роли в цивилизационном прогрессе. К примеру, поэзия античности для Юрия Ключникова — «жизнерадостный исток европейской культуры»:

По весне цветы на яблонях качаются.
В половодьях нежатся сонные сады.
Юноши и девы без конца встречаются.
На ветвях деревьев вяжутся плоды.
Эрос всем навязывает жгучее безумие,
Я, не поспевая, за всеобщей гонкой мчусь.
Становлюсь умней, беспомощней, угрюмее
В этом недоступном половодье чувств.

Узнаете русские образы и интонации, украшенные колоритной есенинской деталью? А ведь это — Ивик, лучший из девяти древнегреческих лириков (VI в. до н.э.). Убежден, что словесно точный перевод этого стихотворения был бы тяжело-весел и скучен. Здесь же — насыщенность окружающей действительности любовью, безбрежно разлитой в самом весеннем обновлении, в расцвете всего живого, в надежде на будущее.

Английская же поэзия «показалась ему интересной не только из-за того, что она дала Шекспира и Джона Донна, но и потому, что англосаксы уже четыре столетия держат тайные пружины мирового развития в своих руках». Вольное переложение знаменитого монолога Гамлета звучит в унисон с острейшими вопросами, на которые настойчиво, вопреки сладким, но обманчивым увещаниям, ищет единственно правильный ответ русский человек:

Быть или не быть — вот жизни суть.
Что лучше: сгинуть мирно под ударом,
Как кролик, зачарованный удавом?
Или удар обидчику вернуть?
Зачем? Конечно, проиграть в итоге
В борьбе со снами, сонмом передраг.
Ведь тлен земной — неотвратимый враг —
Нас ждет всегда в конце любой дороги.
Бездействие заводит в дебри зла,
А мысли — в паутину колебаний.
Бывало, что в раздумьях погибали
Великолепные и славные дела.

Безусловно, «вольность» перевода не следует понимать прямолинейно, как исключительное доминирование конкретной авторской версии в ущерб исходному тексту. На наш взгляд, красота индивидуального преобразования образности, рождающаяся в таинстве поэтического перевода, сопрягается с красотой новых смыслов, которые по разным причинам, в том числе под воздействием профессиональных стереотипов, порою ускользают от привычного переводческого сознания. По преимуществу это случается тогда, когда объект перевода сложен, многолик и неоднозначен. Таков Джон Донн, современник Шекспира, ныне едва ли не самый популярный поэт в англоязычном мире. По мнению авторитетного лингвиста и переводчика Марины Литвиновой, у него «свой “метафизический” язык, его талант впитал в себя алхимико-герметическую образность и лексику эпохи, а сложная архитектоника его стихов в английской литературе того времени уникальна».

Именно в переводах поэзии Джона Донна наиболее ярко проявилась привлекательная черта мастерства Юрия Ключникова: он изящно и прочно соединяет обе вышеназванные ипостаси красоты, воплощая предложенный еще Н. Гумилевым подход к стихотворению как к живому организму, все части которого должны быть совершенны:

Она ушла. Повсюду жизни торжество —
Вокруг себя взгляните те, кто любит:
Природа сущее не губит, не голубит —
Сок беззаботно выжимает из всего.
Порядок этот на планете вечный:
Разлуки, встречи в душах и в телах
Прервутся — ветер жизни встречный
Являет новый лик, сметая прах.
Но эти мысли не утешат сердца,
И никуда от гибели не деться!

Отрывок взят из стихотворения-исповеди Д. Донна «Вечерня в день святой Люции, самый короткий день в году». Перевод Юрия Ключникова вобрал в себя все «изюминки» оригинала: жанровый синтез эпитафии и лирико-философской медитации о любви и смерти, образную контрастность, траурный эмоциональный накал и искренность обращения поэта к людям: «Влюбленные, стремитесь к Козерогу, / Торите светлую любви дорожку», т.е. достигайте в высшем из чувств небывалых высот (астрологическая ассоциация), но помните о том, что среди торжества жизни, могущего казаться вечным, «...никуда от гибели не деться!»

Религиозное чувство стало для Юрия Ключникова еще одной путеводной лодией в хождении по морям мировой поэзии. Животрепещущей горечью и скорбью пронизан фрагмент «Плача о падении Константинополя». Его анонимный автор, очень критично и прямо вскрывая причины губительного поражения Византии, зовет к священной борьбе за Родину — с именем Христа:

Пусть укрепит вас духом сей позор.
Простят богобоязненные предки,
Что сытостью свой помутили взор,
В срок не срубили вражеские ветки,
Во всем вы сами оказались виноваты —
Решили хитростью отвагу заменить.
Сражений не выигрывают слабые солдаты,
Уступки рвут воинственную нить.
Как труженики вы заметно охромели.
Как воинов вас мир бояться перестал.
Проснитесь же, наследники-ромеи,
Отныне вы наследники Христа.
Да укрепится ваша праведная вера!
Да просияет христианская весна!

Особая страница и в книге, и в творчестве Юрия Ключникова в целом — перевод стихотворений Радована Караджича, первого президента Сербии, который в 70-летнем возрасте был приговорен пресловутым Гаагским трибуналом к 40 годам тюрьмы, затем — к пожизненному заключению по совершенно предвзятому и заведомо ложному обвинению в геноциде мусульман. Нам духовно близки мотивы его пламенной поэзии — готовность до конца отстаивать Родину, землю предков, осознание Славянства как последнего рубежа сопротивления мировому сатанинскому злу, душевная стойкость и несгибаемость, честь и свобода как залог грядущей победы в борьбе. Даже в английских застенках XXI столетия, сродни средневековым, Караджич сохранил достоинство и православную веру:

Нет ни укрытий, ни убежищ, ни лекарства.
Они — у ангела несломленной души.
И силы зла в крови моей с коварством
Творца преследуют, стремятся сокрушить.
Но держимся за родину, за веру,
За всеславянский несгораемый гранит.
Идем по высшему мы следу и примеру,
Издrevле зная — нас кириллица хранит.

Завершают книгу мнения о переводах Юрия Ключникова, высказанные в разные годы его коллегами, известными литераторами, авторитетными филологами и критиками. В их числе — Лола Звонарева, Сергей Небольсин, Алексей Шорохов, Вячеслав Лютый и еще немало имен. Стоит обратить внимание на раздел «Эволюция мировой поэзии», в котором раскрывается специфика принципа историзма в контексте тематики произведений поэтов, выбранных Юрием Ключниковым для переводов.

Большинству наших читателей зарубежная литература доступна только на русском языке. И если иностранная проза по географии действия, именам персонажей, событиям описываемой эпохи, предметно-бытовой среде и т.д. всегда идентифицируется именно как факт литературы конкретной страны, то лирика, наполненная всем спектром эмоциональных порывов, искрящаяся красками и звуками, говорящая из тысячелетних глубин о вечных истинах, созвучных и близких нам, людям электронной эры, при отсутствии в ней четких иноязычных реалий неосознанно воспринимается как русская. Это означает — соответствующая русскому мироотношению, христианским духовно-нравственным ценностям, нашим поэтическим традициям и жанрово-стилевым канонам, синтетическому опыту литературных направлений, течений и школ, наконец, языковым основам национальной ментальности, воплощающим в Слове гармонию праведных помыслов и действий.

Сам же Юрий Ключников в предваряющем книгу посвящении великим поэтам, творцам и гениям восклицает:

Я счастлив к вам по-русски обратиться,
Услышав рифм певучих ладный хор.
Вы сквозь века отозвались, как птицы,
И начался наш долгий разговор.

Поэт рожден, чтоб не мечом, а чувством
Создать империю без страха и границ,
И нету в мире сладостней искусства,
Как пред красою пасть смиренно ниц.

Нам предстоит великое сражение.
Настал России самый грозный час.
А Зверя ждет в итоге поражение.
Но нам, творцы, не победить без вас!

Переводчик-художник, переводчик-лирик — его творческое амплуа. Юрий Ключников сотворил свой неповторимый мир, который мы с полным правом назовем подлинно русским прочтением мировой поэзии.

